

Лекция 13. Общее заключение

5 апреля 1978 г. Полиция (продолжение). — Деламар, — Город, место появления полиции. Полиция и городская регламентация. Урбанизация территории. Связь полиции с проблематикой меркантилизма. — Возникновение города-рынка. — Методы полиции. Различие между полицией и юстицией. Власть регламентирующего типа. Регламентация и дисциплина. — Возвращение к проблеме зерна. — Критика полицейского государства в связи с проблемой голода. Тезисы экономистов, касающиеся цены зерна, населения и роли государства. — Возникновение нового управленчества. Управленчество политиков и управленчество экономистов. — Трансформации государственного интереса: (1) естественность общества: (2) новые отношения власти и знания: (3) взятие под опеку населения (общественная гигиена, демография и так далее): (4) новые формы государственного вмешательства: (5) статус свободы. — Начала нового искусства управлять: экономическая практика, управление населением, право и уважение свобод, репрессивная функция полиции. — Различные формы антиповодырства,

соответствующие новому управленчеству. — Общее заключение

Сегодня я намерен закончить этот несколько затянувшийся курс. Вначале два слова о том, чем конкретно была полиция — в конце концов, каким образом предстаёт в текстах практика самой полиции. Я объяснил вам общую идею в последний раз, но книга, конкретно посвящённая полиции, о чём она говорит? Я думаю, что нужно сослаться в любом случае на то, что в течении всего XVIII века было фундаментальным собранием, базовым текстом о практике полиции, между прочим, как в Германии, так и во Франции, и хотя этот сборник был на французском языке, но именно на него всегда ссылались немецкие книги, когда речь шла о том, чтобы знать, что же имеется в виду, когда говорят о полиции. Этим сборником был сборник Деламара, большое собрание приказов полиции в трёх томах, появившееся, я не помню точно, в 1711 или в 1708... в конце концов, он много раз переиздавался в XVIII веке. [1]

Этот сборник Деламара, как и сборники, которые за ним последовали, [2] в целом уточняет, что было тринадцать областей деятельности, которыми полиция должна заниматься. Это была религия, нравственность, здоровье и питание, публичное спокойствие, забота о зданиях, о площадях и дорогах, науки и свободные искусства, торговля, фабрики и ремесла, слуги и поденные рабочие, театр и игры, наконец, дисциплина для бедняков как «значительной части общественных благ». [3] Эти тринадцать рубрик [4] Деламар группирует соответственно определённому числу наиболее общих разделов, или, скорее, наиболее общих обязанностей, поскольку, если полиция занимается религией и нравами, то ей необходимо поддерживать всё то, что называется «благодатью жизни». [5] Если она занимается здоровьем и питанием, то она имеет обязанность «сохранения жизни». [6]

Доброта, сохранение жизни. Спокойствие, забота о зданиях, науки и свободные искусства, торговля, фабрики и ремесла, слуги и поденные рабочие — всё это относится к «жизненным удобствам»; [7] театр и игры — к «радости жизни». [8] И что касается дисциплины и заботы о бедных — это «значительная часть общественных благ», [9] это устранение бедности или во всяком случае контроль над нею, исключение тех, кто не может трудиться, и привлечение к труду тех, кто всё-таки трудиться может. Всё это создаёт общие условия, для того чтобы жизнь в обществе сохраняла благодать, удобство и радость. По-моему очевидно, что перед нами подтверждение того, о чём я вам говорил в прошлый раз: полиция, в общем смысле термина, в том смысле, который был в ходу в XVI и XVII века, занимается жизнью и кое-чем большим, жизнью и лучшей жизнью. Как говорил Монкретьен, нужна не только жизнь, но и благоденствие. [10] Благодать, стабильность, удобство, радость жизни — именно об этом идёт речь.

Но если посмотреть, каковы на самом деле были эти различные объекты, которые определялись как имеющие отношение к практике, к вмешательству полиции, а также и к теории полиции, то первым делом следует отметить, что это были объекты по существу городские. Городские в том смысле, что некоторые из этих объектов существуют только в городе и только потому, что существует город. Это улицы, площади, здания, рынок, торговля, фабрики, ремесла и так далее. Другие объекты полиции создают проблему и

зависят от полиции постольку, поскольку именно в городе они приобретают особое значение. Здоровье, продовольствие, все средства предотвращения голода, наличие нищих, бродяжничество — бродяги становятся проблемой в деревне лишь в конце XVIII века. Скажем, что всё это были проблемы города. В более общем плане это были проблемы сосуществования и плотности сосуществования.

Во-вторых, следует отметить, что проблемы, которыми занялась полиция, были также близки к таким городским проблемам, как проблемы рынка, покупок и продаж, обмена. Это регламентация того способа, каким можно и каким следует выставлять на продажу вещи, по какой цене, как, в какой момент. Это регламентация произведённых продуктов, это регламентация ремёсел и, в целом, ремесленников. Короче, это вся та проблема обмена, циркуляции, производства и обращения товаров. Сосуществование людей, обращение товаров, и необходимо добавить обращение людей и товаров по отношению друг к другу. Это как раз проблема бродяг, людей, которые перемещаются с места на место. Скажем в итоге, что полиция является по существу городской и торговой, или также, если говорить более грубо, что полиция — это институт рынка в самом широком смысле.

Поэтому не стоит удивляться некоторым фактам. Во-первых, откуда родом по своей практике, по своим инструкциям эти распоряжения, которые составляют огромные сборники XVIII века? Они достаточно стары, они восходят к XVI, к XV, иногда к XIV веку, и это, в сущности, городские распоряжения. То есть полиция в своих практиках и своих инструкциях часто всего лишь воспроизводит ту предпосылку, которую создавала городская регламентация, которая развивалась со Средних веков и касалась совместной жизни людей, производства товаров, продажи продуктов. Что-то вроде расширения этой городской регламентации полиция XVII и XVIII века и взялась осуществлять.

Другой институт, который служил предпосылкой полиции, это не городская регламентация, это маршалский суд, то есть та вооружённая сила, которую королевская власть вынуждена была ввести в XV веке, чтобы избежать беспорядков, которые были последствиями войн и роспуска армий по их окончании. Освобождённые солдаты, часто не получившие жалованья, беглые солдаты, составляли текучую массу индивидов, предававшихся, разумеется, всем видам беззакония: насилию, преступлениям, злодеяниям, воровству, убийствам, — всё это были бродяги, и именно этих бродяг маршалский суд был обязан контролировать и призывать к порядку.

Эти учреждения были предпосылками полиции. Город и дорога, рынок и дорожная сеть, снабжающая рынок. Отсюда тот факт, что полиция в XVII и в XVIII веке осмысливалась, в сущности, в терминах того, что можно назвать урбанизацией территории. Речь, по сути дела, шла о том, чтобы создать из королевства, создать из всей его территории что-то вроде большого города, сделать так, чтобы территория управлялась как город, по образцу города и так же совершенно, как город. Не следует забывать, что в своём «Трактате о публичном праве», весьма важном для всех проблем соединения власти полиции и юридического суверенитета, Дома говорит, что «посредством полиции и были созданы города и места, где люди собирались и общались между собой, используя улицы, площади и [...] большие дороги». [11] По убеждению Дома, связь между полицией и городом является столь сильной, что он говорит, что только потому, что есть полиция, то есть потому, что

регулируется способ, каким люди могут и Должны, во-первых, собираться вместе, во-вторых, общаться в широком смысле слова «общение», то есть жить вместе и обмениваться товарами, сосуществовать и перемещаться, жить вместе и разговаривать, продавать и покупать. Именно потому, что есть полиция, регламентирующая это сосуществование, эту циркуляцию, и этот обмен, именно поэтому города и могут существовать. Полиция как условие существования городской среды.

К концу XVIII века, почти через 150 лет после Дома, Фременвиля, в общем словаре полиции [12] даётся такое объяснение, совершенно, между прочим, мифическое, рождения полиции во Франции, где говорится, что Париж стал первым городом мира в XVII веке и что он стал таким благодаря совершенству своей полиции. Пунктуальная полиция, которая там существовала, создала образец столь совершенный и столь удивительный, что Людовик XIV, говорит Фременвиль, «пожелал, чтобы все судьи всех городов создавали полицию, следуя полиции Парижа». [13] Города существуют, потому что существует полиция, и именно потому, что у городов столь совершенная полиция, возникает идея перенести полицию на всё королевство. Узаконить, огородить (М. Фуко произносит слова «*policer*» (узаконивать, управлять, от греч. *политейя* — город, государство; отсюда — *police*, полиция) и «*urbaniser*» (превращать в город, от лат. *urbi* — город, окружённый стеной). — Прим. пер.) — я просто произношу эти слова, чтобы вы отметили все коннотации, все отзвуки, которые есть в этих двух словах, все смысловые сдвиги и оттенки, которые они могли приобретать в течение XVIII века, но в строгом смысле узаконить и огородить, полиция и город — одно и то же.

Очевидно также — это другое замечание, которое я хочу сделать по поводу отношения между полицией и, скажем, городской средой, — что эта полиция, введение этой полиции совершенно неотделимо от управленческой теории и практики, относящейся к общей сфере меркантилизма. Меркантилизма, как техники и расчёта усиления государства в европейском торговом соревновании в развитии торговли и посредством новой силы, придаваемой торговым отношениям. Меркантилизм полностью вписывается в этот контекст европейского равновесия и внутриевропейского соревнования, о котором я вам говорил несколько недель назад, [14] и он преподносится как инструмент, как фундаментальное орудие в этом внутриевропейском соревновании, которое должно удерживаться в пределах равновесия, он преподносится как важный инструмент торговли. То есть он требует, чтобы, во-первых, каждая страна стремилась к увеличению населения, во-вторых, чтобы это население было полностью занято трудом, в-третьих, чтобы жалованье, выплачиваемое этому населению, было как можно более низким, в-четвёртых, чтобы себестоимость товаров была как можно более низкой, чтобы можно было, как следствие, продавать как можно больше за границей, и такие продажи обеспечат импорт золота, передачу золота в королевские сокровища, во всяком случае в стране, которая одержит торговую победу. Что позволит обеспечить набор солдат и создать военную силу, необходимую для роста государства и его роли в европейском равновесии, а также стимулировать производство, иначе откуда возьмётся новый торговый прогресс?

Вся эта стратегия торговли, как технология импорта денег, и является одной из характерных черт меркантилизма. И вы понимаете, почему в тот момент, когда государственный интерес ставит перед собой цель достижения европейского равновесия при помощи такого инструмента, как военно-дипломатическое устройство, и в эпоху, когда

тот же самый государственный интерес ставит перед собой другую цель — достижение собственного роста каждой государственной державы и создаёт в то же самое время в качестве инструмента этого роста торговлю, почему полиция в этот момент неотделима от политики — от политики торговой конкуренции внутри Европы.

Полиция и торговля, полиция и городское развитие, полиция и развитие всех видов рыночной деятельности в широком смысле, всё это образует единое целое, весьма важное, как я считаю, в XVII веке и в начале XVIII века. Кажется, что развитие рыночной экономики, увеличение и интенсификация обмена начиная с XVI века, активация денежного обращения, что всё это ввело человеческое существование в мир абстрактных представлений товара и меновой стоимости. [15] Возможно, об этом следует сожалеть, давайте будем сожалеть об этом. Но я считаю, что ещё больше, чем это вступление человеческого существования в абстрактный мир товара, в XVII веке проявляется нечто совершенно иное. Это пучок понятных, доступных анализу отношений, которые позволяют связать подобно граням одного многогранника определённое число основополагающих элементов: формирование искусства управления, которое могло бы руководствоваться принципом государственного интереса, политику соревнования в пределах европейского равновесия, поиск технологии роста государственных сил за счёт полиции, которая имеет целью организацию отношений между населением и производством товаров и, наконец возникновение города-рынка, со всеми проблемами совместного проживания, циркуляции, которые зависят от бдительности правительства и его следования принципам государственного интереса. Я не хочу сказать, что именно в этот момент рождается город-рынок, но что город-рынок становится моделью государственного вмешательства в жизнь людей, я считаю, что это основополагающий факт XVII столетия, во всяком случае основополагающий факт, характеризующий рождение полиции в XVII веке.

Существует, если угодно, круговая связь между государственным интересом и городскими привилегиями, фундаментальная связь между полицией и приоритетом товара, и именно меру этой связи, жизнь и улучшение жизни, существование и благо индивидов становятся действительно подходящими — впервые, как я полагаю, в истории западных обществ — управленческому вмешательству. Если государственное управление интересуется, и впервые, тонкой материей человеческого существования и сосуществования, тонкой материей обмена и обращения, если это существование, и лучшее существование, государственное управление впервые принимает в расчёт, и всё это происходит через посредство города и таких проблем, как здоровье, улицы, рынки, зерно, дороги, то дело в том, что торговля осмысливается в этот момент как главный инструмент могущества государства и, следовательно, как привилегированный объект полиции, целью которой является рост сил государства. Вот первое, что хотел бы вам сказать по поводу этих объектов полиции, её городской модели и её распоряжений относительно проблемы рынка и торговли.

Второе замечание, опять-таки по поводу полиции, о которой я вам говорил в прошлый раз, заключается в том, что эта полиция обнаруживает вмешательство государственного интереса и государственной власти в такие области, которые мне представляются новыми. Тогда как методы, используемые полицией, мне кажутся относительно и даже полностью традиционными. Разумеется, идея власти полиции с начала XVII века совершенно отлична от

другого типа осуществления королевской власти, которым является власть юстиции, судебная власть. Полиция — это не юстиция, и все тексты, приведённые выше, в этом солидарны, будь их авторы те, кто действительно поддерживает и оправдывает необходимость полиции, или тексты юристов или парламентариев, которые высказывают по отношению к этой полиции определённое недоверие.

В любом случае полиция воспринимается как нечто, отличное от юстиции. [16] Разумеется, она также, как и юстиция, является производной от королевской власти, но она остаётся чётко отделённой от этой юстиции. Полиция в этот период совершенно не мыслится как инструмент в руках судебной власти, что-то вроде способа применять на деле регулярное правосудие. Это не продолжение юстиции, это не король, действующий через свой аппарат юстиции, это король, прямо воздействующий на своих подданных, но не в форме юстиции. Теоретик по имени Баке, говорит: «Право полиции и право юстиции не имеют ничего общего друг с другом. [...] Нельзя сказать, что право полиции принадлежит кому-то другому, а не королю». [17] Это, следовательно, суверенное отправление королевской власти над индивидами, которые являются подданными короля, и именно в этом полиция и состоит. Иными словами, полиция — это прямое правление суверена как такового.

Скажем ещё, что полиция — это непрерывный государственный переворот, который осуществляется, который разыгрывается во имя своей собственной рациональности и в зависимости от неё, не подражая и не используя в качестве образца правила юстиции, которые, между прочим, уже существуют. Таким образом, самобытная в своём функционировании и в своём главном принципе, полиция самобытна и в модальностях своего вмешательства. И ещё в конце, во второй половине XVIII века, в главе своего «Наказа» Екатерина II, которая собиралась создать полицейский кодекс, под влиянием французских философов говорит: «Уставы [полиции] суть совсем другого рода от прочих гражданских законов. [...] Вещи, ко благочинию принадлежащие, суть такие, кои всякий час случится могут, и в коих дело обыкновенно идёт о малом чём: и так не надлежит тут быть пространным судебным обрядам. Полиция беспрестанно занята подробностями или мелочами», и, наконец, она должна действовать быстро и незамедлительно. [18] Итак, перед нами имеется, по отношению к общему функционированию юстиции определённая специфика полиции.

Но когда рассматривают, как эта специфика воплощается на деле, то замечают, что фактически полиция знает и знала в XVII и в XVIII веке лишь одну форму, один способ действия и вмешательства. Разумеется, это вмешательство не проходит через судебный аппарат, оно исходит прямо от королевской власти, это непрерывный государственный переворот, но кому этот постоянный переворот дан в качестве инструмента? Итак, правило, распоряжение, запрет, приказ. Именно таким регламентирующим способом полиция осуществляет вмешательство. Ещё в «Наказе» Екатерины II читаем: «Более нужны [полиции] уставы, нежели законы». [19] Мы находимся в мире бесконечной регламентации, постоянной регламентации, постоянной возобновляемой регламентации, регламентации всё более и более детальной, но всё ещё остающейся регламентацией, мы находимся в рамках той разновидности регламентации, которая, несмотря ни на что, сохраняет юридическую форму, пусть и не судебную форму, но такую форму закона, по крайней мере закона в его мобильном функционировании, постоянном и детальном, которое и есть регламентация.

Но, если угодно, морфологически полиция, даже если она совершенно отлична от судебного института, не осуществляет вмешательство посредством инструментов и способов действия, которые были бы радикально отличны от инструментов юстиции. То, что полиция являлась по существу миром регламентации, настолько верно, что один из теоретиков полиции середины XVIII века, Гийоте, писал, что полиция должна предписывать регламентацию, но всё-таки не до такой степени чтобы королевство превратилось в монастырь. [21] Мы находимся в мире регламентации, находимся в мире дисциплины. Надо понимать, что это широкое распространение локальных и региональных дисциплин, которое можно наблюдать с конца XVI и до XVIII века в мастерских, в школах, в армии, [22] идёт на фоне попытки общей дисциплинаризации, общей регламентации индивидов и территории королевства, в форме полиции, имеющей по существу городскую модель. За возникновением полиции угадывается большая дисциплинарная мечта: превратить город в подобие монастыря, а монастырь — в подобие города. Торговля, город, регламентация, дисциплина, я считаю, что здесь перед нами наиболее характерные элементы практики полиции, как её понимали в XVII и в первой половине XVIII века. Вот то, о чём я хотел вам рассказать в прошлый раз, если бы у меня было время дать характеристику этому грандиозному проекту полиции.

Теперь я хотел бы вернуться к тому, с чего мы начинали. Вы помните те тексты, которые я пытался для вас анализировать, так вот, если угодно, возьмём самые точные из них, те, которые как раз касаются того, что называли полицией зерна, и проблемы голода. [23] Это переносит нас в середину, во всяком случае в конец первой трети XVIII века, и я полагаю — потому что, по сути дела, уже несколько месяцев я только и делал, что пытался комментировать эти тексты о зерне и голоде, и именно они всегда оставались в поле зрения при самых разных поворотах моего рассказа, — я полагаю, что теперь можно лучше понять значение проблемы, поставленной по поводу полиции зерна и голода, можно лучше понять значение проблемы, остроту споров, можно лучше понять также теоретический прорыв и практические изменения, которые уже существовали в зародыше во всём этом, — в этой проблеме, в техниках и в специфических объектах полиции. Мне кажется, что через проблему зерна, его коммерциализацию и обращение, а также через проблему голода мы видим, начиная с какой конкретной проблемы, с одной стороны, и в каком направлении — с другой, осуществляется критика того, что можно назвать государством полиции. Критика полицейского государства, разрушение, распад этого полицейского государства, на которое возлагали столько надежд в начале XVII века, как я считаю, происходит в первой половине XVIII века в связи с определённым числом проблем, о которых я вам, в сущности, уже говорил, проблем экономических и, в частности, проблем обращения зерна.

Если угодно, возьмём вновь несколько тем и тезисов, которые упоминались тогда в связи с полицией зерна. Первый тезис, как вы знаете, — я обращаюсь к литературе в основном физиократической, но не только, поскольку проблема не столько в позитивном содержании каждого тезиса, сколько в том, вокруг чего вращаются они все, вокруг чего организуется проблема, — так вот, первый тезис этой физиократической литературы, или, в более общем плане, этой литературы экономистов таков: если мы желаем избежать голода, то есть если желаем, чтобы зерна было в достатке, необходимо прежде всего, чтобы за него хорошо

платили. [24] Этот тезис, он противопоставляется, даже на уровне своего утверждения, принципу, который осуществлялся во всей прежней меркантилистской политике: необходимо, чтобы был избыток зерна, необходимо, чтобы это зерно было дешёвым, и если зерно будет дешёвым, можно будет выплачивать минимальную зарплату, а когда зарплата будет такой низкой, насколько это возможно, то и себестоимость товаров для торговли будет низкой, а когда эта себестоимость будет низкой, мы сможем продавать эти товары за границей, а продавая их за границей, можно будет импортировать как можно больше золота. Следовательно, это была политика дешёвого рынка зерна ради низкой зарплаты рабочих.

Так, вместе с тезисом физиократов, о котором я вам только что рассказал, настаивая как на абсолютно фундаментальном моменте на той связи, которая имеется между избытком зерна и его хорошей ценой, то есть его относительно высокой ценой, вы видите, что физиократы, разделяя способ мысли, общий для экономистов XVIII века не только противопоставляли определённому числу тезисов другие тезисы, но главным образом вновь вводили в анализ и в цели политического вмешательства само сельское хозяйство, аграрную прибыль, возможности аграрного инвестирования, крестьянское благосостояние, улучшение жизни того населения, которое образует крестьянство. Иначе говоря, схема, которую целиком создавали вокруг привилегии города, оказывалась здесь опровергнутой. Подразумевавшиеся границы системы полиции, границы, которые были установлены городской привилегией, разрушаются и выводят на проблему деревни, сельского хозяйства. Проблематика экономистов, которая вновь вводит сельское хозяйство как основополагающий элемент в рациональном управленчестве. Земля теперь является наряду с городом, по крайней мере так же, как и город, больше, чем город, привилегированным объектом правительственного вмешательства. Управленчество, которое принимает во внимание землю. Оно не только принимает во внимание землю, но и должно концентрироваться на рынке, на покупке и продаже продуктов, на их обращении, а в первую очередь на производстве.

Наконец, в-третьих, управленчество уже не интересуется проблемой, как продать как можно дешевле остальным то, что произведено по низкой цене, оно сосредоточивается на проблеме возвращения, то есть как стоимость продукта может быть возвращена тому, кто был его первым производителем, а именно крестьянину или сельскому рабочему. Следовательно, уже не город, но земля, уже не обращение, а производство, уже не продажа или прибыль от продажи, но проблема возвращения, — все это теперь оказывается наиболее важным объектом управленчества. Деурбанизация в пользу агроцентризма, замена или во всяком случае возникновение проблемы производства по отношению к проблеме торговой реализации, — это, я считаю, первая большая брешь в системе полиции в том смысле, в каком этот термин понимают в XVII и в начале XVIII века.

Второй тезис. Второй тезис, как вы помните, был следующий: если за зерно хорошо платят, то есть если позволить цене зерна подняться настолько, насколько позволит желание, то есть настолько, насколько это возможно, в зависимости от предложения и спроса, в зависимости от дефицита и желания потребителя, если позволить зерну подорожать, то что произойдёт? Зерно не будет дорожать до бесконечности, его цена зафиксируется, она зафиксируется не слишком высоко, не слишком низко, она просто остановится на уровне,

который будет справедливым. Это тезис справедливой цены. [25] И почему цена зерна зафиксирована на этом справедливом уровне? Во-первых, потому что, если зерно будет достаточно дорогим, крестьяне без колебаний засеют столько, сколько возможно, потому что цена хорошая, и они надеются на большие прибыли. Если они засеют больше, то урожай будет лучше. Чем лучше будут урожаи, тем менее очевидным будет желание накапливать зерно в ожидании дефицита. Следовательно, всё зерно будет пущено в продажу; и если цена хорошая, иностранцы, разумеется, попытаются прислать как можно больше зерна, чтобы получить хорошую прибыль, так что чем более высокой будет цена, тем больше она будет стремиться к тому, чтобы остановиться и стабилизироваться. И что же затрагивает этот второй принцип, который поддерживают экономисты? Уже не городской объект, который был привилегированным объектом полиции. Он затрагивает нечто иное, главный инструмент системы полиции, а именно как раз регламентацию; эта регламентация, о которой я вам только что говорил, что она была, по образцу дисциплины вообще, имеющей существенное значение формой, в которой осмысливалась возможность и необходимость вмешательства полиции.

Постулатом этой полицейской регламентации было, разумеется, утверждение — что вещи бесконечно гибки и что воля суверена или ещё эта внутренняя рациональность *ratio*, государственного интереса, может получить то, чего она желает. Именно это утверждение и ставится под сомнение в анализе экономистов. Вещи вовсе не гибки, и сразу по двум причинам. Первая в том, что не только существует определённый ход вещей, который нельзя изменить, но когда пытаются его изменить, все как раз и ухудшается. Дело в том, объясняют экономисты, что когда зерна не хватает, оно стоит дорого. Если мы хотим помешать, чтобы зерно, которого не хватает, было дорогим, посредством регламентаций, которые фиксируют цену, то что произойдёт? Люди не захотят продавать своё зерно, и чем больше мы будем пытаться снизить курс, тем сильнее будет дефицит, тем больше курс будет стремиться к росту, а значит, вещи не просто гибки, а непокорны, они оборачиваются против тех, кто желает их изменить вопреки их естественному ходу. Достигается результат, противоположный желаемому. Итак, непокорность вещей. Регламентация не только не даёт того, чего от неё ждут, но она просто бесполезна. И регламентация полиции бесполезна, поскольку, как показывает анализ, о котором я вам только что говорил, существует спонтанное регулирование естественного хода вещей. Регламентация не только вредна, но, что ещё хуже, она бесполезна. И необходимо, следовательно, заменить регламентацию посредством власти полиции на регулирование, которое совершается на основе и в зависимости от самого хода вещей. Такова вторая крупная брешь, пробитая таким образом в системе *Polizei*, полиции.

Третий тезис, который обнаруживается у экономистов, что само по себе население не образует блага. Здесь также существенный разрыв. В системе полиции, той, о которой я упоминал в прошлый раз, единственным способом, каким население принималось во внимание, была, во-первых, необходимость рассматривать количественный фактор: достаточно ли населения? И ответом всегда было: нет, недостаточно. Если всегда недостаточно, то почему? Потому что всегда нужно больше рук. Чтобы больше работать и производить больше предметов. Нуждаемся в большем количестве рук, чтобы избежать необходимости чрезмерно поднимать зарплату и гарантировать, как следствие, минимальную себестоимость тех вещей, которые следует произвести и продать.

Необходимо много рук при условии, разумеется, что все эти руки будут заняты трудом. Наконец, необходимо много рук, занятых трудом, при условии, что они будут послушно следовать правилам, которые им предписывают. Многочисленные, трудолюбивые, покорные или, скорее, множество покорных тружеников, всё это обеспечивает в каком-то отношении эффективное количество, в котором нуждается хорошая полиция. Единственная естественная данность, которую нужно ввести в машину, — это количество. Сделать так, чтобы люди воспроизводились, и воспроизводились как можно активнее. Во всём же остальном, кроме этой переменной величины, индивиды, составляющие население, являются только подданными, подданными права или подданными полиции, если угодно, подданными, которые в любом случае должны подчиняться правилам.

Вместе с экономистами у нас появляется совершенно другой способ понимания населения. Население как объект управления — это уже не некоторое количество и не огромное число индивидов, которые работают и подчиняются правилам. Население — это уже нечто совершенно иное. Почему? В первую очередь потому, что само по себе количество для экономистов не является ценностью. Разумеется, требуется достаточное количество населения, чтобы много производить, и главным образом сельского населения. Но его не требуется слишком много, и его не требуется слишком много как раз потому, чтобы зарплата не была слишком низкой, то есть чтобы люди были заинтересованы трудиться и чтобы они могли также посредством потребления, на которое они способны, поддерживать цены. Следовательно, абсолютной ценности населения нет, но есть ценность относительная. Есть оптимальное количество людей, которое желательно на данной территории, и это желательное число меняется в зависимости и от ресурсов, и от возможного труда, и от потребления, необходимого и достаточного для того, чтобы поддерживать цены и, вообще говоря, экономику. И, во-вторых, это количество, которое само по себе не является абсолютной ценностью, это количество нельзя установить властным повелением.

Нельзя делать так, как утописты XVI века, которые говорили: вот такое количество людей достаточно и необходимо, чтобы создать счастливые города. Фактически количество людей регулируется само. Оно регулируется в зависимости от ресурсов, которые будут предоставлены в их распоряжение. Перемещение (регулирование) населения, в случае необходимости регулирования рождаемости (здесь я оставляю эту проблему в стороне), в любом случае — спонтанное регулирование населения, которое является причиной того — об этом говорят все экономисты, Кенэ, в частности, на этом настаивает, [26] — что мы всегда имеем количество людей, которое естественным образом определяется ситуацией, здесь, в данном пункте. Население в данном пункте, если рассматривать его в определённой шкале времени, это количество регулируется в зависимости от ситуации, а ни в коей мере не от того, что вы вмешиваетесь со своим регулированием. Население, следовательно, не является бесконечно изменяемой данностью. Это третий тезис.

Четвёртый тезис, у экономистов, следующий: нужно допустить свободу торговли между странами. Здесь также фундаментальное расхождение с системой полиции. В системе полиции речь шла, как вы помните, о том, чтобы отправлять в другие страны как можно больше товаров, чтобы получить от этих стран как можно больше золота и обеспечить возврат этого золота или приток этого золота в страну, и это был один из

основополагающих элементов того роста сил, который и был целью полиции. Теперь же речь идёт совсем не о продаже какой-то силы, чтобы репатриировать или импортировать как можно больше золота, теперь речь идёт, в этих новых технологиях управленчества, которые намечают экономисты, о том, чтобы интегрировать зарубежные страны в механизмы регулирования, действующие внутри страны. Воспользоваться высокими ценами, которые практикуются в зарубежных странах, чтобы отправить туда как можно больше зерна, а цене, которая практикуется у себя, позволить подняться, чтобы смогло появиться иностранное зерно. Мы собираемся, следовательно, запустить конкуренцию, но конкуренцию между кем и кем? Не просто конкуренцию-соревнование между государствами, о чём я рассказывал вам в последний раз, и что было одновременно и системой полиции, и системой равновесия сил в европейском пространстве. Запустить конкуренцию между частными лицами, и именно это обращение к интересу частных лиц создаёт конкуренцию одних из них с другими и стремление каждого найти для себя максимум своей выгоды, именно это позволяет государству или также коллективу, или также всему населению в каком-то смысле получить выгоду от такого поведения частных лиц, то есть получить зерно по справедливой цене и получить экономическую ситуацию, которая была бы наиболее благоприятной.

Счастье в целом, счастье всех и каждого — от чего оно зависит? Уже не от властного вмешательства государства, намеренного регламентировать в форме полиции пространство, территорию и население. Благо всех обеспечивается поведением каждого с тех пор, как государство, управленчество запускает механизмы частного интереса, которые, как оказывается, благодаря феноменам аккумуляции и регуляции, служат всем. Государство, следовательно, — это не принцип блага каждого. Речь не идёт о том, как это было в случае с полицией, — вспомните, о чём я вам говорил в прошлый раз, — чтобы сделать так, чтобы лучшая жизнь каждого использовалась государством и затем претворялась в счастье или благоденствие целого. Теперь речь о том, чтобы сделать так, чтобы государство вмешивалось лишь для того, чтобы регулировать или, скорее, позволять регулировать лучшую жизнь каждого, интерес каждого так, чтобы он действительно мог служить всем. Государство как регулятор интересов, а не как одновременно и трансцендентный, и синтетический принцип счастья каждого, преобразуемого в счастье всех: это, как я полагаю, главная перемена, которая ставит перед одной вещью, оказывающейся для истории XVIII, XIX, а также XX века, наиболее важным элементом: какими должны быть действия государства, какова должна быть роль государства, функция государства по отношению к динамике, которая сама по себе является фундаментальной и естественной, — к динамике частных интересов?

Как видите, за этой дискуссией о зерне, о полиции зерна, о средствах избежать голода, намечается совершенно новая форма управленчества, почти полностью противоположная управленчеству, которое намечалось в идее полицейского государства. Конечно, в XVIII веке, в ту же самую эпоху, обнаруживаются и другие признаки преобразования управленческого интереса, зарождения нового управленческого интереса. Но я тем не менее полагаю, что то, что имеет значение, что важно подчеркнуть, так это то, что в целом всё это происходит наряду с проблемой того, что называют или будут называть экономикой. Во всяком случае те, кто первыми в XVIII веке осуществили критику полицейского государства, были — это необходимо видеть — не юристами. Конечно, и юристами владели

озлобление, досада, хотя и меньше, чем в XVII веке, когда, оказавшись перед лицом полицейского государства и того, что оно предполагает относительно прямых условий действия королевской власти и её администрации, они вели себя до некоторой степени сдержанно, иногда критично по отношению к зарождению этого полицейского государства; но это всегда было связано с определённой традиционной концепцией права и привилегий, которые признавались этим правом за индивидами. Речь не шла для них о чём-то ином, кроме ограничения королевской власти, на их глазах становившейся всё более непомерной. У юристов, даже у тех, кто критиковал полицейское государство, никогда не было попытки или стремления дать определение новому искусству управления. Те же, кто вёл критику полицейского государства в зависимости от возможности, способности, и в связи с зарождением нового искусства управления, были экономистами. И я считаю, что необходимо провести параллель между этими двумя великими семействами, которые с интервалом в столетие, занимают примерно одно и то же место, в действительности будучи противоположными.

Вспомните, в начале XVII века мы встретили политиков, которых воспринимали тогда как настоящую секту, как разновидность ереси. [27] Политики были теми, кто определял новое искусство управления в терминах, которые уже не были терминами — как сказать? — соответствия мировому порядку, мировой мудрости, той разновидности великой космической теологии, которая служила рамками искусству управления в Средние века, а также в XVI веке. Политики говорили: оставим в стороне проблемы мира и природы, постараемся найти, какой интерес внутренне присущ искусству управления, определим горизонт, который мог бы позволить точно установить, какими должны быть рациональные принципы и формы расчёта, специфичные для искусства управления. И выделив таким образом область государства в великом космологическом мире средневекового и ренессансного мышления, они и дали определение новой рациональности. Основополагающая ересь, ересь политиков. И вот, почти столетие спустя появляется новая секта, воспринимаемая, между прочим, именно как секта, [28] — это секта экономистов. По отношению к чему они еретики? Уже не по отношению к грандиозному космо-теологическому мышлению о суверенитете, а по отношению к мышлению, руководствующемуся государственным интересом, по отношению к государству, к полицейскому государству. И именно экономисты изобрели новое искусство управления, всё ещё в границах интереса, разумеется, но интереса, который уже не был государственным интересом, или который был уже не только государственным интересом, который был, если говорить точнее, государственным интересом, видоизменённым такой новой вещью, такой новой областью, начинавшей себя обнаруживать, какой была экономика.

Экономический интерес начинает не заменять собой государственный интерес, но сообщать ему новое содержание и сообщать, соответственно, новые формы рациональности государства. Новый тип управленчества, который рождается вместе с экономистами более столетия спустя после того, как другой тип управленчества появляется в XVII веке. Управленчество политиков, которое даёт нам полицию, и управленчество экономистов, которое, я полагаю, вводит нас в некоторые из основополагающих линий современного типа управленчества.

Разумеется, нужно помнить при этом, что мы остаёмся на уровне государственного интереса. То есть в этом новом типе управленчества, намеченном экономистами, все так же существенна цель увеличения сил государства в пределах некоторого равновесия — внешнего равновесия европейского пространства и внутреннего равновесия в форме строя. Но эта рациональность государства, этот государственный интерес, который на самом деле продолжает господствовать над мышлением экономистов, он видоизменяется, и как раз некоторые из этих наиболее важных видоизменений я и хотел бы отметить.

Во-первых, очевидно, что анализ, подобный тому, о котором я только что весьма схематично упоминал в связи с полицией зерна и новой экономикой, в которой осмысливается эта проблема, обращается к целой области процессов, которые до определённой степени можно считать естественными. Вернёмся на мгновение к тому, что я вам говорил несколько недель назад. [29] В традиции, которая в целом была средневековой традицией или также традицией Ренессанса, правильное управление, правильно управляемое королевство было, как я вам говорил, тем, что составляет часть всего мироустройства, и тем, что угодно Богу. Включённость, следовательно, правильного управления в эти великие космо-теологические рамки. По отношению к этому естественному строю государственный интерес вводил сдвиг, даже радикальный разрыв, — государство, которое возникало и обнаруживало новую реальность, со своей собственной рациональностью. Разрыв, следовательно, со старой естественностью, которая задавала рамки политического мышления Средних веков. Неестественность, абсолютная искусственность, если угодно, в любом случае разрыв с этой старой космической теологией; то, что, между прочим, вызвало упреки со стороны атеизма, о чём я вам рассказывал. [30] Искусственность полицейского управленчества, искусственность этого государственного интереса.

Но теперь, вместе с мышлением экономистов, вновь появляется естественность или, скорее, иная естественность. Это естественность тех механизмов, в силу действия которых происходит так, что когда цены поднимаются, если им позволяют подниматься, то они сами и останавливаются. Именно эта естественность служит причиной того, что население привлекают высокие зарплаты, до того момента, когда зарплаты стабилизируются, и поэтому население больше не увеличивается. Следовательно, это та естественность, которая, если угодно, вовсе не относится к тому же типу, что и естественность космоса, оформлявшая и поддерживавшая правительственный интерес Средних веков или XVI века. Это та естественность, которая противопоставляется искусственности политики, государственного интереса, полиции. Её ей противопоставляют, но в соответствии с образцами, которые отличаются особой специфичностью. Это не процессы самой природы, понимаемой как мировая природа, это специфическая естественность в отношениях людей между собой, в том, что спонтанно происходит, когда они живут совместно, когда они образуют единое целое, когда они обмениваются, когда они трудятся, когда они производят [...]. То есть такая естественность, которая, в сущности, ещё не имела существования до сих пор и которая, если и не называется естественностью, то начинает осмысливаться и анализироваться как естественность, это естественность общества.

Общество как специфическая естественность совместного существования людей — именно её, по сути дела, экономисты и выявляют как особую область, как сферу объектов, как возможную область анализа, как область знаний и область возможного вмешательства.

Общество как специфическое поле естественности, свойственной человеку, — именно оно выявляет перед лицом государства то, что назовут гражданским обществом. [31] Что же такое гражданское общество, если как раз не то, что нельзя мыслить как простой продукт и результат государства? Но это уже и не нечто подобное естественному существованию людей. Гражданское общество — это то, что управленческое мышление, новые формы управленчества, рождённые в XVIII веке, выявляют в качестве необходимого соответствия государству. Чем же должно заниматься государство? О чём оно должно заботиться? Что оно должно знать? Что оно должно если и не регламентировать, то по крайней мере регулировать? Какие естественные регуляции оно должно соблюдать? Не первоначальные регуляции природы, но уже и не бесконечный ряд подданных, подчинённых воле правителя и подчиняющихся его требованиям. Государство отвечает за общество, за гражданское общество, и как раз управление этим гражданским обществом государство и должно обеспечить. Фундаментальное, разумеется, изменение по отношению к государственному интересу, к рациональности полиции, которая продолжала иметь дело лишь с собранием подданных. Это первый пункт, который хотел бы подчеркнуть.

Второй пункт в том, что в этом новом управленчестве и соответственно в этом новом горизонте социальной естественности возникает, как вы видите, тема познания, познания, которое — я хотел бы сказать — специфично для управления, но это было бы не совсем точно. Фактически с чем же мы имеем дело в этих естественных феноменах, о которых говорят экономисты? С процессами, которые могут быть известны благодаря методам познания, относящимся к тому же типу, что и любое научное познание. Требование научной рациональности, которое совершенно не выдвигалось меркантилистами, теперь выдвигается экономистами XVIII века, которые утверждают, что правило очевидности должно быть тем правилом, которое применяется в этой области. [32] Следовательно, это уже совсем не те расчёты сил, дипломатические расчёты, которые государственный интерес вводит в XVII веке. Это познание, которое в своих собственных методах должно быть научным познанием. (Рукопись уточняет: «Это познание, это политическая экономия, не как простое познание способов обогащения государства, но как познание процессов, связывающих изменения богатств и изменения населения в трёх направлениях: производство, расчёт, потребление. Рождение, следовательно, политической экономии». — Прим. ред.)

Во-вторых, это научное познание, оно абсолютно необходимо для правильного управления. Управление, которое не принимало бы в расчёт этот вид анализа, познание этих процессов, которое не учитывало бы результат такого вида познания, такое управление было бы обречено на неудачу. Это вполне очевидно, когда, вопреки всем правилам и очевидности и рациональности оно регламентирует, например, торговлю зерном и устанавливает максимальную цену: оно действует слепо, вопреки своим интересам, оно в буквальном смысле ошибается, и оно ошибается в рамках науки. Следовательно, научное знание необходимо для управления, но что особенно важно, так это тот факт, что это не знание самого правительства, внутренне присущее правительству. То есть это уже не знание, внутренне присущее искусству управления, это уже не просто расчёт, который должен рождаться внутри практики тех, кто управляет.

Перед вами наука, которая в каком-то отношении возглавляет искусство управления, наука, которая является для него внешней и которую можно обосновать, установить, развивать, доказывать от начала и до конца, даже если и не заниматься управлением, даже если не практиковать это искусство управления. Но следствия этой науки, результаты этой науки — без них управление не может совершаться. Итак, как вы видите, возникновение отношения знания и власти, управления и науки, которое является отношением совершенно особого типа. Это вид единства, который ещё продолжает функционировать, это, если угодно, что-то вроде более или менее упорядоченной смеси — из искусства управления, являющегося одновременно и знанием, и властью, и наукой, и решением. Это начинает выявляться и выделяться, и в обоих случаях возникают два полюса — научность, которая всё больше и больше заявляет о своей теоретической чистоте, которая воплощается в экономической теории, а затем в то же самое время требует права быть принимаемой во внимание правительством, которое должно на её основе принимать свои решения. Это, как я полагаю, второй важный пункт.

Третий важный пункт в этом новом управленчестве, — это, разумеется, возникновение в новых формах проблемы населения. До этих пор речь шла не столько о населении, сколько о населённости или, наоборот, о сокращении населения. Численность, труд, покорность — обо всём этом я вам уже говорил. Теперь появляется население как одновременно специфическая и связанная с другими феноменами реальность: связанная с зарплатой, связанная с возможностями труда, связанная с ценами, но также и специфическая в двух смыслах. Во-первых, население имеет свои собственные законы преобразования, перемещения, и оно так же подчиняется естественным процессам, как и само богатство. Богатство перемещается, богатство изменяется, богатство увеличивается или уменьшается. Итак, благодаря процессам, которые не те же самые, но того же типа или во всяком случае такие же естественные, население меняется, растёт, уменьшается, перемещается. Следовательно, есть естественность, внутренне присущая населению. А с другой стороны, другой специфический признак населения состоит в том, что оно порождает между каждым из индивидов и всеми остальными целый ряд взаимодействий, замкнутых следствий, последствий распространения, которые служат причиной того, что между одним индивидом и всеми остальными имеется связь, которая не устанавливается по желанию государства, но имеет спонтанный характер. Это закон механики интересов, характеризующий население.

Естественность населения, закон сочетания интересов внутри населения, и вы видите, что население возникает как реальность иной плотности, густоты, иной естественности, чем тот ряд подданных, которые были подчинены правителю и вмешательству полиции, даже если речь идёт о полиции в том широком и полном смысле термина, в каком он использовался в XVII веке. И теперь вдруг, если население действительно наделено такой естественностью, такой плотностью и такими внутренними механизмами регулирования, вы видите, что необходимо, чтобы государство заботилось не только об индивидах, подверженных регламентации, но и об этой новой реальности. Забота о населении в его естественности, и развитие определённого числа, если не наук, то по крайней мере практик, типов вмешательства, развивающихся во второй половине XVIII века. Так обстоит дело, например, с социальной медициной, наконец, с тем, что называют в тот момент общественной гигиеной, так обстоит дело с проблемами демографии, и в конце концов всё это вызывает появление новой функции государства, заботы о населении в его естественности.

Население как собрание подданных сменяется населением как совокупностью естественных феноменов.

Четвёртая значительная модификация управленчества состоит в следующем: дело в том, что если действительно поведение населения, экономические процессы подчиняются естественным процессам, то что это означает? Это означает, разумеется, что не только не существует никакого основания, но даже и простой заинтересованности пытаться навязать им регламентирующие системы приказаний, требований, запретов. Роль государства, и как следствие, форма управленчества, которая теперь ему предписывается, эта форма управленчества имеет в качестве основополагающего принципа соблюдение этих естественных процессов, или во всяком случае их учёт, их задействование или взаимодействие с ними. То есть, с одной стороны, вмешательство государственного управленчества должно быть ограничено, но эта граница, устанавливаемая для управленчества, не является чем-то вроде отрицательного ограничения.

Внутри ограниченного таким образом поля возникает целая область вмешательств, возможных вмешательств, вмешательств необходимых, но которые не будут обязательными, которые не будут повсеместными и которые весьма часто не будут иметь вид регламентирующего вмешательства. Необходимо будет манипулировать, необходимо будет стимулировать, необходимо будет облегчать, необходимо будет позволять делать, иначе говоря, необходимо будет управлять, но не регламентировать. Такое управление будет иметь целью не только препятствовать естественному ходу вещей, но и делать так, чтобы действовали необходимые естественные регуляции, или также практиковать регулирование, которое допускает естественные регуляции. Необходимо, следовательно, руководить естественными феноменами таким способом, чтобы они не отклонялись, или чтобы неловкое, произвольное, слепое вмешательство не заставило их отклониться. То есть необходимо внедрить механизмы безопасности. Механизмы безопасности или вмешательство государства, имеющего функцию обеспечить безопасность тех естественных феноменов, какими были экономические процессы или какими были процессы, внутренне свойственные населению, — именно это становится основополагающей целью управленчества.

Отсюда, наконец, предписание свободы не только как права индивидов, законно противостоящих власти, узурпации, злоупотреблениям правителя или правительства, но и свободы, становящейся элементом, необходимым для самого управленчества. Теперь можно управлять лишь при условии, что действительно свобода или некоторое число видов свободы соблюдается. Не соблюдать свободу — значит не только осуществлять злоупотребления по отношению к закону, но главным образом не уметь управлять, как следует. Интеграция свобод и границ, свойственных этой свободе внутри области управленческой практики, — это стало теперь императивом.

И вы видите, как распадается эта великая, если угодно, сверхрегламентирующая полиция, о которой я вам говорил. Эта регламентация территории и подданных, которая ещё характеризует полицию XVII века, всё это, очевидно, должно быть снова поставлено под вопрос, и теперь перед нами в каком-то отношении двойственная система. С одной стороны, мы имеем целый ряд механизмов, которые зависят от экономики, которые зависят от

управления населением и которые будут иметь функцию содействия росту сил государства, а затем, с другой стороны, определённый аппарат или определённое количество инструментов, которые обеспечат, чтобы беспорядки, нарушения, беззакония, преступления встречали на своём пути препятствия или чтобы их устраняли. То есть то, что было целью полиции в классическом смысле термина, в смысле XVII–XVIII веков: обеспечить рост могущества государства, соблюдая общий порядок; этот унитарный проект распадается или скорее воплощается теперь в различных институтах или механизмах. С одной стороны, перед нами главные механизмы стимулирования и регулирования феноменов: это будет экономика, это будет управление населением и так далее. И затем перед нами, вместе с его негативными функциями, институт полиции в современном смысле термина, который будет простым инструментом, посредством которого препятствуют тому, что совершается некоторое количество беспорядков. Упорядоченный рост и все положительные функции будут обеспечиваться целым рядом институтов, аппаратов, механизмов, а устранение беспорядка — будет функцией полиции. И внезапно понятие полиции совершенно разлагается, отходит на второй план и принимает тот чисто негативный смысл, который нам известен.

Одним словом, если угодно, новое управленчество, которое, как полагали в XVII веке, сможет полностью воплотиться в исчерпывающем и унитарном проекте полиции, теперь оказывается в такой ситуации, что, с одной стороны, оно должно обращаться к такой области естественности, какой является экономика. Оно должно управлять населением. Оно должно также организовать юридическую систему соблюдения свобод. Оно должно, наконец, создать для себя инструмент прямого, но негативного вмешательства, каким и будет полиция. Экономическая практика, управление населением, публичное право, связанное с соблюдением свобод и свобод, полиция с репрессивной функцией: вы видите, что прежний проект полиции, тот, что возник в связи с государственным интересом, распадается или, скорее, разлагается на четыре элемента: экономическую практику, управление населением, право и соблюдение свобод, полицию — четыре элемента, которые добавляются к военно-дипломатическому устройству, почти не изменившемуся в XVIII веке.

Итак, перед нами экономика, управление населением, право вместе с судебным аппаратом, соблюдение свобод, полицейский аппарат, дипломатический аппарат, военный аппарат. Вы видите, что можно с полным правом создать генеалогию современного государства и его аппаратов, вовсе не обращаясь, как выражаются, к циркулярной онтологии [33] государства, утверждающего самого себя и растущего подобно огромному чудовищу или автоматической машине. Можно создать генеалогию современного государства и его различных аппаратов, обратившись к истории управленческого интереса. Общество, экономика, население безопасность, свобода: это элементы нового управленчества, формы которого в его современных модификациях известны нам, как я полагаю, и теперь.

Если вы мне дадите ещё две-три минуты, то я хотел бы добавить следующее. Я пытался вам показать, как вы помните, как пастырство и управление людьми, установившиеся и интенсивно развивавшиеся, как вы знаете, в Средние века, будучи определённым проектом руководства людьми, поводырства, вызвали ряд антиповодырских выступлений или, скорее, как параллельно друг с другом развивались проекты, институты, ведения людей и направленное против них антиповодырство: те разновидности сопротивления пастырской

опеке или её преобразования, которые я перечислял. Я полагаю, что в рамках анализа управленчества в его современных формах, можно сказать почти то же самое. И в сущности, я спрашиваю себя, нельзя ли провести ряд, если не аналогий, то своего рода соответствий. Я пытался показать, как между пастырским искусством вести людей и современными ему проявлениями антиповодырства завязывались обмены взаимные опоры, и здесь, в сущности, то же самое. Итак, нельзя ли проанализировать, скажем так, проявления антиповодырства в современной системе управленчества следующим образом: допустим, что, по сути дела, антиповодырство в рамках современного управленчества имеет те же самые ставки, что и это управленчество, что с середины XVIII века, как мы видели, имел место целый ряд антиповодырских выступлений, как раз и стремившихся отвергнуть государственный интерес и его фундаментальные требования, опираясь на ту же базу, что и сам этот государственный интерес; в результате трансформаций, на которые я вам указывал, эти выступления привели к появлению таких элементов, как общество в противовес государству, экономическая истина, в противовес ошибке, непониманию, слепоте, интерес всех в противоположность частному интересу, абсолютная ценность населения как живой и естественной реальности, безопасность, — в противовес небезопасности и угрозе, свобода в противовес регламентации.

Более схематично резюмировать всё то, что я хотел вам сказать, можно так: государственный интерес, как вы помните, установил в качестве основного закона скрижали современного управленчества, и вместе с тем исторической науки, что отныне человек живёт в бесконечном времени. Правительства будут всегда, государство будет всегда, и не надейтесь, что это прекратится. Новая историчность государственного интереса исключает империю последних дней, исключает царство эсхатологии. Против этой идеи, которая была сформулирована в конце XVI века и которая действует ещё и теперь, направлены антиповодырские выступления, утверждающие, в принципе, что однажды время закончится, полагающие возможность эсхатологии, последних времён, остановки или завершения исторического и политического времени, момента, если угодно. Но что его остановит? Возникновение общества как такового. В тот день, когда гражданское общество сможет освободиться от принуждения и опеки государства, когда государственная власть наконец будет поглощена тем самым гражданским обществом, о котором я вам говорил, пытаюсь показать, как оно зарождается, в самой форме, в самом анализе управленческого интереса, — в этот день если не время истории, то уж точно время политики, время государства сразу завершится. Такова революционная эсхатология, неотлучно преследующая XIX и XX века. Первая форма антиповодырства: утверждение конца времён, когда гражданское общество одержит верх над государством.

Во-вторых, я попытался показать вам, что государственный интерес заложил в качестве своего фундаментального принципа послушание индивидов и что с тех пор индивидуальной подданности должны были следовать не в феодальной форме обязательств верности, а в форме общего и безоговорочного послушания в своих поступках любым повелениям государства. И здесь возникло антиповодырство, антиповодырские устремления следующего смысла: должен наступить момент, когда население, порвав все узы послушания, на деле обретёт право — не юридическое, а естественное фундаментальное право порвать все возможные узы послушания государству, и, восстав против него, заявить: мой закон, закон моих требований к себе, закон самой природы населения, закон моих

фундаментальных потребностей должен прийти на смену правилам послушания. На сей раз эсхатология принимает форму безусловного права на восстание, на бунт, на разрыв всех уз послушания — право на революцию. Такова вторая форма антиповодырства.

И, наконец, по поводу государственного интереса я попытался показать, что в его логике именно государство, или те, кто его представляет, являются владельцами определённой истины о людях, о населении, о том, что происходит внутри территории и в общей массе, образованной индивидами. Государству как владельцу истины антиповодырство может противопоставить вот что: сама нация в своей целостности должна быть способна в данный момент в каждой своей точке и в своей массе обладать истиной о том, что она есть, чего она хочет и что ей нужно делать. Идея нации, владеющей знанием, что она есть, чего она хочет и что ей нужно делать. Идея нации, владеющей знанием о себе, идея общества, которое прозрачно для самого себя и которое хранит свою собственную истину, пусть даже эту истину формулирует один элемент населения, одна организация, партия, но представляющая население в целом, лишь бы истиной общества, истиной государства, государственным интересом распоряжалось не само государство, а вся нация. Это третья из основных форм антиповодырства, которая почленно противостоит тому, что характеризует государственный интерес, возникший в XVI веке, но опирается при этом на различные понятия и элементы, родившиеся в процессе его преобразований.

Что бы ни противопоставлялось государству — гражданское общество, население или нация, все эти элементы вошли в оборот в рамках генезиса государства, новоевропейского государства. Поэтому они и разыгрываются, стоят на кону в борьбе государства и того, что ему противостоит. А это значит, что история государственного интереса, управленческого *ratio*, правительственного интереса, и история непокорного им антиповодырства неразрывно сплетены друг с другом. (Фуко оставляет здесь в стороне две последние страницы рукописи, в которых, определяя революционные движения как «мятежи, или скорее типы мятежей, которые соответствуют тем формам общества, в которых «управление людьми» стало одним из атрибутов общества, если не самой важной функцией, он кратко исследует вопрос об их «религиозной наследственности»: «Часто обращаются к религиозной наследственности революционных движений современной Европы. Это не прямая наследственность. Или во всяком случае это не родственная связь «религиозная идеология — революционная идеология». Связь сложнее, и она не заключается в отношении идеологий.

Государственному пасторству противостоят мятежные формы поведения, которые заимствовали или приспособили некоторые из его тем, касающихся религиозных форм мятежей. Скорее, рядом с антипасторскими тактиками, с раскольническими или еретическими разрывами, рядом с борьбой против власти церкви, следует искать и причину определённой окраски революционных движений. В любом случае, перед нами феномены, имеющие реальную связь: утопический социализм имел свои реальные корни не в текстах, книгах или идеях, но в определённых практиках: коммунах, колониях, религиозных организациях, таких как квакеры в Америке, в центральной Европе, [...] а также родственные или альтернативные феномены: методизм и французская революция. Религиозная идеология была поглощена революционными процессами? Разве только в странах со слабой государственной структурой, с сильным экономическим развитием и с

разнообразной пасторской организацией мятежные формы поведения смогли принять более парадоксальную «архаическую» форму, нового пасторства». — Прим. ред.)

Вот и всё, что я хотел вам сказать. Моей целью в этом году был всего лишь небольшой методологический опыт, призванный показать, что на основе относительно локального, относительно микроскопического анализа форм власти, характеризующих пастырство, вполне возможно, как мне кажется, без парадоксов и противоречий объединить общие проблемы государства, лишь избегая возведения государства в ранг трансцендентной реальности, история которой самопорождается. История государства должна создаваться из самой практики людей, из того, что они делают, из того, как они мыслят. Государство как образ действия, государство как образ мысли, — я считаю, что это, конечно, не единственная возможность анализа, подходящая для создания истории государства, но одна из возможностей, которая, на мой взгляд, довольно плодотворна. Её плодотворность связана, думаю, с тем очевидным фактом, что между уровнями микровласти и макровласти нет никакого разрыва, и, говоря об одном, можно говорить и о другом тоже. Анализ в терминах микровласти без труда сопрягается с анализом таких проблем, как управление и государство.

Версия #1

Зверобой создал 27 января 2026 22:17:17

Зверобой обновил 27 января 2026 22:18:39